

Решен ли был «женский вопрос»?

Трансформация семьи 1920-х годов глазами женщин и статус «женского вопроса» в официальном советском дискурсе

С приходом к власти большевиков все сферы социальной, культурной, политической жизни начали претерпевать многочисленные изменения. Исключением не стали и семейные отношения. Особенно активные трансформации приходились на первое десятилетие XX в.

В 1917–1918 гг. в среде большевиков актуализируется «женский вопрос». В партийной программе 1919 г. содержатся составляющие эмансипационной концепции. В ней была определена политическая форма решения женского вопроса (с помощью «прогрессивной» политической партии) и патерналистская модель отношений между партией и широким женским населением. Одной из главных задач партии провозглашалось освобождение женщины от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства, уничтожение на практике ее неравенства в области брачного и семейного права [2, с. 286–291].

В 1918 г. «старыми большевичками», еще до революции имевшими прочную связь с женщинами-рабочими, был инициирован Всероссийский съезд работниц, на котором, в частности, семья и домашнее хозяйство объявлялись «вредными пережитком старины» [9]. Позже по настоянию революционерки А.М. Коллонтай в программу ВКП(б) была внесена поправка о статусе отдельного партподразделения по работе с женщинами, что в дальнейшем дало начало формированию женотделов [5].

К двадцатым годам одной из центральных тем общественных дискуссий становится половой вопрос, в рамках обсуждений которого выдвигаются предположения о дальнейшей трансформации семьи, о возможности ее государственного регулирования [1, 7].

5 января 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)» женотделы ликвидируются, а «женский вопрос» официально провозглашается решенным [3, 9].

В данном исследовании была предпринята попытка проанализировать позицию официального советского дискурса в отношении «женского вопроса» и сопоставить ее с позицией женщин из разных групп населения послереволюционной страны. Посредством изучения зарубежных и отечественных источников, а также партийных документов была рассмотрена ситуация в области половых отношений 20-х годов, обозначены предпринимаемые государством меры для решения «женского вопроса» [1, 2, 6, 11]; была исследована специфика работы женотделов в разных регионах и республиках в послереволюционный период и сложности, с которыми сталкивались их представительницы [3, 8, 10]. Обращение к периодической печати в процессе исследования («Правда», «Красное студенчество», Красная сибирячка» и т.д.) позволило обозначить взгляды на половой вопрос, выраженные женщинами из рабочей, крестьянской, студенческой среды в форме писем в редакцию. Анализ исследований, посвященных мемуарам участниц женотделов и деятельниц женского движения, позволил обрисовать борьбу за освобождение женщины в памяти активных революционерок, а также сложности в интерпретации содержания мемуаров [5, 9].

В результате проведенного исследования были выявлены значительные противоречия и разногласия по вопросам трансформации семейной системы и

раскрепощения женщины как среди членов партии, так и в крестьянской, рабочей, студенческой средах.

Так, Н.Л. Пушкарева обозначила две полярные точки зрения, сложившиеся к началу 20-х годов, между которыми размещались разнообразные мнения участников и участниц дискуссий. Первая точка зрения принадлежала А.М. Коллонтай и заключалась в том, что новый пролетарский строй призван освободить отношения между полами от чувства собственности, навязанной нормами буржуазной морали, моногамии и подчиненности женщины мужской воле [4, 11]. Однако советское государство взяло на вооружение позицию не А.М. Коллонтай, но психоаналитика А.Б. Залкинда. Залкинд придерживался мнения, что брачная жизнь людей должна быть подчинена строгому классовому контролю, который бы обеспечивал приоритет коллективности над частной жизнью. Это мнение разделялось и другими партийными деятелями, главным аргументом которых было то, что от не регулируемых государством отношений страдают преимущественно женщины, оказываясь в положении одиноких матерей. Институционализация половых отношений, легитимация моногамного гетеросексуального брака выступили в качестве средств обеспечения финансовой гарантии для женщины и ее детей. По мнению Т. Осипович, партийные деятели видели в женщине преимущественно пассивную жертву необузданного сексуального желания мужчины. Сексуальность женщины в отрыве от материнских функций не принималась во внимание [7]. Студенчество в большей степени поддерживало вектор, предложенный Коллонтай, тогда как крестьяне и рабочие чаще склонялись в сторону позиции Залкинда [1, 7].

Были выявлены трудности в осуществлении деятельности женотделов в разных регионах, которые в значительной степени определялись патриархальными предрассудками партийной мужской элиты, а также традиционным менталитетом крестьянского населения [3].

Также в ходе исследования было показано, что материалы мемуаров революционерок-работниц женотделов и активных деятельниц женского движения в советское время урезались и с 50-х годов выпускались с ограничениями той информации, которую власть считала нежелательной. В результате противоречивый процесс решения «женского вопроса» превращался в рассказ об освобождении женщины от тяжелого наследия прошлого [5]. Помимо прямого цензурирования в публичной печати, статус решенности женского вопроса поддерживался официальной исторической наукой [9].

Таким образом, были сделаны выводы о том, что женский вопрос к 1930 г. был решен лишь частично и в основном в его экономическом и политическом измерении за счет принятия декретов и постановлений, гарантирующих юридическое равенство женщин и мужчин и вовлечение женщин в производство. Однако недостаточное внимание большевиков к менталитету населения, патриархальным стереотипам, столетиями складывавшимся в культуре, привело к тому, что освобождение женщин было осуществлено лишь формально, что и стало одним из факторов традиционалистского отката 1930-х годов.

Список источников и литературы

1. *Алферова И.В.* «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917–1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 10–15.

2. Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: (1898–1939). Ч. I: 1898–1925 / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). Издание шестое, дополненное. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.

3. *Долидович О.М.* Женотделы Енисейской губернии в 1921–1930 гг. //Женщина в российском обществе. 2014. №. 3 (72). С. 20–27.

4. *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому эросу // Молодая гвардия. 1923. №. 3. С. 111–124.

5. *Лабур О.В.* Воспоминания представительниц женотделов как источник изучения советской политики «женского раскрепощения» в Украине 1920-х гг. // Сторінки історії. 2014. №. 37. С. 117–126.

6. *Новиков С.Г.* Воспитание половой морали советской молодежи: ретроспективный взгляд на дискуссии 1920-х годов // Историко-педагогический журнал. 2012. № 3. С. 161–171.

7. *Осипович Т.Е.* Проблема пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. №. 1. С. 161–171.

8. *Попова А.В.* Роль женотделов в «организации женских масс» на материалах Ярославской губернии (октябрь 1917 – начало 1920-х гг.) // Ноябрьские историко-архивные чтения в пермском архиве. 2018. С. 321–327.

9. *Сытник И.Г.* Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале (1918–1930 гг.). Дис. ... Оренбург : государственный университет, 2006.

10. *Шевченко Л.А.* Деятельность женских организаций в системе советского общества в 1920-е гг. (на материалах Иркутской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. №. 2 (14).

11. *Pushkarjova N. L. et al.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (10–20 вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. №. 2. С. 3–17.